

УДК 821.161.1:81'42+929Толстая

ПУБЛИЦИСТИКА ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ: ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ПРОЕКТ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

А. В. Полонский, М. С. Донникова

НИУ «Белгородский государственный университет»
кафедра журналистики и связей с общественностью

В статье рассматриваются особенности постмодернистского осознания социальной действительности на примере публицистического письма Татьяны Толстой.

Ключевые слова: публицистика, дискурс, интертекст, полифония, постмодернизм, общество

Постмодернизм – один из наиболее проблематичных феноменов культуры, по поводу которого до сих не затихают жаркие споры, поскольку он сам готов подвергнуть сомнению любые основания, даже гравитацию, если она вписывается в контекст тоталитарности. Постмодернистское сознание как позиция мировоззренческого плюрализма и как когнитивно-стилистическая установка на неканоничность, произвольность, интертекстуальность, метафоричность, пародирование и эстетизацию (рефлексии, мысли, слова, обыденности) обнаруживается в потребности выстраивать одновременно множество смысловых линий и преодолевать семантическую замкнутость языка [9]. Полифония и ирония становятся идеологией и когнитивным принципом искусственной личности, «комплекс критических наименований» [19, с. 106] которой включает такие слова, как *бытие, знак, текст, слово, смысл, значение, полифония, ревизия, анализ, децентрация, рефлексия, наслаждение, смерть, ирония* и др. Базовым для «постмодернистского сознания», как известно, является принцип относительности любого знания, поэтому оно должно *a priori* подвергаться сомнению и постоянной перепроверке посредством его переформулирования, смешения, переноса, погружения в разные смысловые, социальные и временные контексты и ситуации, пародирования и передачи его *другому*, что, с одной стороны, освобождает автора и аудиторию от социально-идеологического и психологического давления авторитета, а с другой – обеспечивает бесконечность смысловых приращений, превращений, метафор и многообразие точек зрения [2; 6; 7, с. 206–219; 8; 11; 12; 13; 14, 19].

Публицистике как особому виду творчества, предназначенному с предельной открытостью и ясностью говорить о проблемах сегодняшнего дня, точно и доступно формулировать социальную точку зрения автора на охваченный его мыслью и обозначенный в пространстве и времени социальный факт [15, с. 24], не присущ, казалось бы, хор сосуществующих или сопровождающих друг друга «голосов», не присуще исполнение «вокаль-

ной партии» несколькими «голосами», врывающимися в текст из воспоминаний разных людей (культурной памяти) и из «неспроектированного» воображения (социального прогноза), поскольку риторический канон публицистики выстраивается на иных принципах, среди которых:

- *качество информации* («достоверная», «правдивая», «проверенная»);
- *количество информации* («достаточное для достижения цели»);
- *уместность информации* (в связи с «существом дела», «ситуацией», «запросами и ожиданиями адресата»);
- *информационная выразительность речи* (установка на логику мысли, факта и документа, доступную аудитории), которая выступает в виде важнейшего коммуникативного принципа, обеспечивающего адекватное восприятие и интерпретацию передаваемых сведений и оценок [1, с. 41–44]. Вспомним по этому поводу слова писателя и публициста М. И. Веллера: *«Говори только то, что явно есть, и так, каково оно есть! И если ты точно скажешь – читатель почувствует и поймёт, то, что ты не выразил словами напрямую, а показал через напряжение действительности...»* [3, с. 324].

Это свойство публицистики объясняется тем, что она как один из способов заинтересованного осознания и описания мира, заинтересованного социального диалога, воплощённого в особом типе социального текста, являющего рефлексивно-оценочное постижение социальной реальности и особую социальную прагматику, должна быть понятной широкой аудитории – не упрощённой, но непроблематично прочитываемой в контексте актуальных социальных потребностей. Как говорит Е. П. Прохоров, *«мысль и страсть публициста в далёком обнаруживает близкое, в древнем – современное, в чужом – своё, если доминантой осмысления всего, с чем публицист сталкивается, оказывается служение потребностям и интересам общественного мнения современников»* [16, с. 89].

Как показывает практика, современная российская публицистика решительно осваивает новый когнитивный стиль и возможности нового, постмодернистского письма, не забывая о своём исконном предназначении – солидарном поиске смысла и разработке формулы социального блага [15, с. 43]. Ярким тому примером является публицистическое творчество Татьяны Толстой, чья мысль и слово всегда отличаются весомостью, оригинальностью, неожиданностью, полемичностью и ироничностью, чья особая чувствительность к *другому* выражается не только в стремлении показать его «истинное лицо», но и отыскать смысловое с ним сопряжение в условиях неизбежного полисемантизма и «рассеивания» семантических границ, чьё мироощущение и социальный принцип предписывает быть раскрепощённым и предельно искренним [10].

Одной из важнейших черт художественно-публицистического письма Т. Н. Толстой является интертекстуальность [4, с. 10] и смешение (столкновение) дискурсов как важнейший принцип текстообразования [17,

с. 131]. Благодаря интертекстуальности и дискурсивному смешению публицистика Толстой обретает особую смысловую глубину, поскольку злободневные социальные проблемы получают осмысление в новом формате, расширяющемся от панорамы быта до бытия. Приём интертекстуальности как многовекторной смысловой переключки, задающей новые пределы и векторы мысли, позволяет сделать фрагмент социального бытия, на который направлена мысль публициста, не только более зримым, контрастным, позволяет не только повернуть его своими новыми (разными) гранями, не только задать новый фокус его видения на основе многообразных точек зрения, но и утвердить новый способ описания мира, в котором и слово, «пробуждаясь другим словом» [5, с. 59], обретает «мерцающую семантику».

Художественно-публицистические тексты Т. Н. Толстой зачастую похожи на эклектичное письмо, «пестрящее» заигранными, прецедентными фразами, именами, «долгоиграющими» образами и идеями, языковыми клише и штампами, однако выполненное изящно, тонко, со вкусом знатока, с точным эстетическим расчётом профессионала, что придаёт повествованию особенную выразительность, многозначность и притягательность. Автор с удовольствием «играет» символами, метафорами, прецедентными текстами, обращёнными к различным дискурсам, различным типам сознания, создавая таким образом поле напряжённого и многопланового социального диалога, в котором читатель принять ту или иную точку зрения на основе собственного, личного выбора: *«Шляпа умерла, да здравствует шляпа! Котелок, чалма, боливар, кика, капюшон, тюбетейка, кокошник, платок, ермолка, венец, феска, ушанка, треух, канотье, цилиндр, шапокляк, митра, шапка-кубанка, шапка-невидимка, чепец, колпак, шлык, картуз, повойник, капор, фуражка, сомбреро, пилотка, берет, пирожок, папаха, – надевай любую, примеряй и хохочи! Носи что хочешь, всё разрешено, ничто не важно: притворяйся боярышней или ковбоем, эмиром бухарским или околоточным – всё одинаково прекрасно, мир есть театр, жизнь – шарада»* (эссе «Лилит») [18, с. 99].

Благодаря «сплавлению» текстов и перефразированию канонизированных истин создаётся новый смысл, который наслаивается на уже устоявшиеся ассоциации, создаётся особое смысловое пространство с эластичными семантическими границами. Расширение пределов значимого и эмоционально переживаемого достигается в публицистике Татьяны Толстой за счёт того, что смыслы вынуждены вступать в социально и эстетически продуктивный диалог за счёт «дискурсивного разрыва», т.е. выхода за пределы свойственного им дискурса как особой интеллектуально-прагматической и ценностно ориентированной среды.

Рассмотрим некоторые особенности публицистического письма Т. Н. Толстой на примере её эссе «Лёд и пламень» [18, с. 139–144]. В этом эссе мысль автора и его социальная оценочность сосредоточены на мироощущении современных американцев, выразителем которого является

«культ личности» Микки Мауса, или, по словам публициста, «национальной мыши», «цементирующего раствора нации» [18, с. 140].

Тщательно создаваемый «экспортный» образ Америки как страны, стремящейся быть «*впереди планеты всей во всех отношениях*» [18, с. 139], эффектно разбивается автором посредством введения символов и прецедентных текстов из советского дискурса, ещё живущего в коллективной памяти современного россиянина. Выразительная картинка с «американской выставки» как рекламный приём репрезентации заокеанского образа жизни, перенесённая на другую социально-идеологическую почву, обнаруживает свою несостоятельность и лишь кричащую претензию на истинность и нормативность.

Советская пропаганда породила огромное количество общеизвестных лозунгов, которые Татьяна Толстая вводит в публицистический текст, заставляя российского читателя взглянуть на «мир американской демократии» с изнанки. Она сообщает о том, что миллиардными тиражами расходятся изображения «*Друга Всех Детей*», т.е. знаменитого героя американских мультфильмов Микки Мауса. Однако для российского читателя словосочетание «*Друг Всех Детей*» имеет жёсткие ассоциации – *Владимир Ильич Ленин* или *Иосиф Виссарионович Сталин*. В социальной памяти россиян жив ещё лозунг «*Да здравствует Сталин, лучший друг советских детей!*». Этот смысл обрёл жизнь в мужских именах *Ледруд* («*Ленин Друг Детей*») и *Лелюд* («*Ленин Любит Детей*»).

Тоталитаризм как идеология и как репрессивный механизм, навязывающий единые стандарты, ценности и вводящий монополию на информацию, порождает идолов, которые требуют безрассудного подчинения и служения. В СССР портреты вождей «украшали» площади городов, учреждения, размещались на нагрудных значках. «*Ленин, это – мы сами*», – сказал в 1917 г. один уральский рабочий. Ленин – это символ будущего, в котором нет места личности. В Америке сегодня также отовсюду, со всех возможных вещей, «*безвредных для прижимания к груди*», как пишет Татьяна Толстая, смотрит «американский Лелюд» – Микки Маус, «*ослабившийся, с белыми глазами-плошками, в белых вздутых перчатках*» [18, с. 141], маленький идол, но требующий, как любой божок, большого, всеобщего поклонения и жертвенности.

Несмотря на то, что каждая американская семья, по словам писательницы, «*видела грызуна триллионы раз*» [18, с. 141], она опять и опять хочет к нему возвращаться, как хочется возвращаться к идолу: «*Не насытится око!..*» [18, с. 141], поскольку идол требует дискурса, требует всей души, служения ему в каждый момент повседневной жизни человека. И вновь – выход в советский дискурс с его жёсткой практикой идолизации и поклонения: «*На октябрьский праздник // Дедушка-сосед // Подарил мне в рамке // Ленина портрет. // Я портретом этим // Очень дорожу // И всегда с любовью // На него гляжу*» [18, с. 142]. В этом портрете «распознаётся» Микки Маус. «*Да, это он!*» – восклицает Татьяна Толстая: «*Кто же*

ещё описывается в таких терминах: воплотил в себе лучшие черты человечества, активный, положительный характер, заслужил постоянное место в истории» [18, с. 142]. Хотя необходимо заметить, что в советском дискурсе 1960-х гг. в таких терминах описывался, как известно, первый космонавт, Герой Советского Союза Юрий Гагарин – «настоящий русский парень», проложивший всему человечеству путь к звёздам. Им по праву гордился весь советский народ. Гагарин – символ новой, космической эры, успехов советского народа, преодолевающего любые границы и пространства. В Америке же гордятся *мышью* из мультфильма. «Гора родила мышью» – иронически подумает читатель, включив в своё сознание парадокс масштабности (мощи) страны и результата.

Проводя параллели с советским обществом, в котором безгранично господствовало «мы», в котором личность не обретала своего голоса не только вне хора, но и без руководящего им хормейстера, Татьяна Толстая обличает и американское общество с присущим ему тоталитаризмом, символом которого является Микки Маус и который выражается, в частности, в том, что *«весь американский народ, как один человек, в едином порыве, пьёт те же липкие конкурирующие колы, носит те же бейсбольные кепки, горячо и верно любит мышью»* [18, с. 142].

Демократия обеспечивает возможности для реализации личности, однако на поверку в США это утверждение оказывается лишь мифом, т.е. ещё одной американской картинкой из глянцевого журнала. Татьяна Толстая рассказывает об американской фигуристке Ненси Керриган, опрометчиво обронившей «дурное слово» по отношению к Микки Маусу. *«Её шёпот слышал один журналист, который немедленно донёс на получемпионку. Тут началось!.. Вся страна, разгневанная, поднялась на защиту народной мыши»* [18: 143]. Фигуристка, ставшая вдруг врагом народа, *«плакала по телевизору, просила прощения... Но суровые лица простых тружеников... – далее см. материалы бухаринско-зиновьевских процессов»* [18, с. 143].

Прямая отсылка к советской действительности, заданная в эссе, позволяет почувствовать всю жёсткость и жестокость американской «демократической» машины, в которой человек едва ли способен реализоваться как личность, сущность которой проявляется в свободном и осознанном духовном выборе. Американское общество, по мысли автора, отправило бы соотечественницу *«в лагерь Мордовии»*, если бы таковые существовали, и *«серебряная медалистка уже возила бы там тачку или корчевала пни»* [18, с. 143]. ГУЛАГ, делает вывод читатель, как оказывается, не такой уж и призрак. Он всегда рядом. Он везде может быть. Он всегда востребован там, где есть диктатура обобщений. И в Америке, как говорит Толстая, *«тревожно обведёшь глазами присутствующих, прежде чем ляпнуть вслух»* [18, с. 143].

По мнению Т. Н. Толстой, тоталитарная идеология проникла во все социальные институты американского общества. Она говорит, что из *«программ университетов, колледжей, школ изымаются политически некор-*

ректные тексты, написанные “мёртвыми белыми мужчинами”» [18, с. 143], в советской же практике – написанные «буржуазными писателями».

Татьяна Толстая показывает, что тоталитарное мышление присуще всем слоям американского общества. Каждый его представитель вне зависимости от национальности, образования и социального статуса всегда бдителен. Приёмы пользования «вечнозелёной идеологической метлой» не изменились со времён Сталина, они, к сожалению автора, лишь обросли современными контекстами.

Таким образом, публицистика Татьяны Толстой являет яркий пример постмодернистской риторики как прагматики полифонического и цитированного слова, её нацеленности не столько на строгость и логику факта, сколько на самоопределение личности, на её мировоззренческий выбор, на разработку собственного интеллектуального проекта путём переноса, пародирования и аллюзии, что канонически составляет постмодернистскую процедуру развенчания, причём развенчания прежде всего того, что раньше воплощало социальные идеалы.

Список литературы

1. Анненкова, И. В. Риторика для журналистов: историко-культурный, теоретический и практический аспекты [Текст] / И. В. Анненкова. – М. : МедиаМир, 2006. – 164 с.
2. Беневоленская, Н. П. Принцип двоемирия в художественных и публицистических текстах Т. Толстой [Текст] / Н. П. Беневоленская // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2009. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 3–12.
3. Веллер, М. Слово и профессия [Текст] / М. Веллер. – М. : АСТ МОСКВА, 2008. – 542 с.
4. Высочина, Ю. Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой (на материале романа «Кысь») [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю. Л. Высочина ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2007. – 164 с.
5. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г.-Г. Гадамер : пер. с нем. – М. : Искусство, 1991. – 367 с.
6. Ильин, И. Постмодернизм [Текст] : Словарь терминов / И. Ильин. – М. : INTRADA, 2001. – 384 с.
7. Кайда, Л. Г. Композиционная поэтика публицистики [Текст] / Л. Г. Кайда. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 144 с.
8. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста [Текст] / Н. И. Клушина. – М. : Изд-во МГУ, 2008. – 244 с.
9. Кристева, Ю. Чёрное солнце: Депрессия и меланхолия [Текст] / Ю. Кристева. – М. : Когито-Центр, 2010. – 278 с.
10. Кузьмина, Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации [Текст] / Н. А. Кузьмина. – Омск : ОГУ, 2009. – 228 с.
11. Курицын, В. Постмодернизм: Новая первобытная культура [Текст] / В. Курицын // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 225–232.

12. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) [Текст] / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.
13. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма [Текст] / Н. Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. – 347 с.
14. Познин, В. Ф. «Экранная культура» в свете постмодернизма [Текст] / В. Ф. Познин // Русская речь. – 2008. – № 2. – С. 31–39.
15. Полонский, А. В. Сущность и язык публицистики [Текст] / А. В. Полонский. – Белгород : Политерра, 2009. – 238 с.
16. Прохоров, Е. П. Искусство публицистики [Текст] / Е. П. Прохоров. – М. : Советский писатель, 1984. – 360 с.
17. Силантьев, И. В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений [Текст] / И. В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.
18. Толстая, Т. День: Личное : сб. рассказов и фельетонов разных лет [Текст] / Т. Толстая. – М. : Подкова, 2002. – 416 с.
19. Юрков, С. Е. Постмодернизм: приближение к антимиру [Текст] / С. Е. Юрков // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века : материалы научной конференции. 10 октября 2001 г. / Санкт-Петербургское философское общество. – Серия “Symposium”. – СПб. : СПбГУ, 2001. – Вып. 16. – С. 85–88.

TATYANA TOLSTAYA’S PUBLICISM: POSTMODERNIST PROJECT OF SELF IDENTITY

A. V. Polonsky, M. S. Donnikova

Belgorod State University
Department of the journalism and public relations

In the article the features of postmodern awareness of social reality as an example of Tatyana Tolstaya’s journalistic writing.

Keywords: *journalism, discourse, intertext, polyphony, postmodern, society*

Об авторах:

ПОЛОНСКИЙ Андрей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью НИУ «Белгородский государственный университет», e-mail: Polonskiy@bsu.edu.ru, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

ДОННИКОВА Маргарита Сергеевна – соискатель кафедры журналистики и связей с общественностью НИУ «Белгородский государственный университет», e-mail: m.donnikova@gmail.com, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.